

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XXI _ nr. 1

Indexată în bazele de date:

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2025

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
SECȚIA PATRIMONIU ARHEOLOGIC

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Editor-in-Chief/Redactor șef: dr. Ghenadie Sîrbu
Secretar de redacție/editorial secretary: Livia Ermurachi

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (*Chișinău/Iași*), dr. hab. **Igor Bruiako** (*Odesa*), dr. hab. **Dumitru Boghian** (*Târgu Frumos*), dr. hab. **Roman Croitor** (*Aix-en-Provence*), dr. **Lilia Dergaciov** (*Chișinău*), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (*Chișinău*), dr. **Alexandr Diachenko** (*Kiev*), dr. **Vasile Diaconu** (*Târgu Neamț*), dr. **Mariana Gugeanu** (*Iași*), prof. dr. hab. **Svend Hansen** (*Berlin*), prof. dr. hab. **Elke Kaiser** (*Berlin*), dr. **Sergiu Matveev** (*Chișinău*), prof. dr. hab. **Michael Meyer** (*Berlin*), dr. **Octavian Munteanu** (*Chișinău*), prof. dr. hab. **Sergiu Musteață** (*Chișinău/Târgoviște*), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (*Chișinău*), dr. hab. **Eugen Sava** (*Chișinău*), prof. dr. hab. **Sergei Skoryi** (*Kiev*), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (*București, Iași*), prof. dr. hab. **Marzena Szmyt** (*Poznan*), dr. **Nicolai Telinov** (*Chișinău*), dr. **Denis Topal** (*Chișinău*), dr. **Vlad Vornic** (*Chișinău*), dr. **Aurel Zanoci** (*Chișinău*).

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Secția Patrimoniul Arheologic, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Секция археологического наследия, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Мареша 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Section of Archaeological Heritage, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfânt bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Nadezhda Kotova (<i>Kiev</i>), Simon Radchenko (<i>Stavanger</i>) “M”-like ornamentation in the Southeastern Europe and surroundings during VII-V Millennia BCE	5
Arsen Harutyunyan, Vahe Sargsyan, Hayk Gyulamiryan (<i>Yerevan</i>) The Tradition of Epigraphy as a Foundation of State Strategy in the Armenian Highlands	27
Николай Николаев (<i>Кропивницкий</i>), Лилия Цыганенко (<i>Измаил</i>) Новые памятники малой эпиграфики Северного Причерноморья	41
Kateryna Savelieva (<i>Kiev</i>) Private places of worship in Tyras during Roman times	48
Gheorghe Postică, Ion Tentiuc (<i>Chişinău</i>) The money-weight economy in the Carpathian-Dniester area in the 9th-11th centuries (archaeological contributions)	63
Mariia Videiko (<i>Kiev</i>) Topografia și arheologia oraşului Trepol de pe Nipru în secolele XI-XIII	93

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Najaf Museibli (<i>Baku</i>) Child graves at Galayeri settlement of the Leilatepe culture)	110
Natalia Ovcearov, Vlad Vornic, Sergiu Matveev, Sergiu Popovici (<i>Chişinău</i>) O aşezare cu urme de locuire din eneolitic și perioada romană târzie descoperită la Calaraşovca (r-nul Ocnița)	123
Sergiu Popovici (<i>Chişinău</i>), Mariana Popovici (<i>Iași</i>), Sergei Agulnikov (<i>Chişinău</i>), Vasilica-Monica Groza, Ozana-Maria Ciorpac-Petraru (<i>Iași</i>) Tumulul 23 de la Congaz	138
Vitalii Hutsal (<i>Kamianets-Podilskii</i>), Oleksandr Mohylov, Yuliia Ushkova (<i>Kiev</i>) Bronze Age burial mounds on Husykova Hill in the Zbruch region	160
Игорь Бруяко (<i>Одесса</i>) Жилые сооружения на поселении Картал II (эпоха раннего гальштата)	180
Сергей Скорый (<i>Киев</i>), Александр Супруненко (<i>Полтава</i>) Неординарная находка раннескифского времени на юге Лесостепного Левобережного Поднепровья	202
Vasile Iarmulschi (<i>Berlin/Chişinău</i>), Vlad Vornic (<i>Chişinău</i>) O fibulă din bronz de tip Nauheim descoperită la Gura Bâcului (raionul Anenii Noi, Republica Moldova)	208

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Эльнур Лятиф оглу Гасанов (*Гянджа*)

Исследование историко-археологических переселений города Гянджи
на основе изучения ремесленных образцов215

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Guram Chkhatarashvili (*Batumi*), James A. Davenport, Michael D. Glascock (*Missouri*),
Hülya Çalışkan Akgül (*Karadeniz*)

Spread of obsidian and mobility pattern of humans in the South-Eastern Black Sea Coast226

Дмитрий Кириченко, Анар Абдуллаев (*Баку*)

О двух случаях травматических повреждений на черепках из Азербайджана
(эпоха античности)238

IN HONOREM

To the anniversary of Professor S.A. Skoryi

(Oleksandr Mohylov, *Iași*)252

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION256

INFORMAȚII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE257

ИНФОРМАЦИЯ И УСЛОВИЯ ИЗДАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА258

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL
MAGAZINE259

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Эльнур Лятиф оглу Гасанов

Исследование историко-археологических переселений города Гянджи на основе изучения ремесленных образцов

Key words: Ganja, Azerbaijan, urban culture, historical migration, archaeological arguments, geographical location, traditional crafts.

Cuvinte cheie: Ganja, Azerbaidjan, cultură urbană, migrație istorică, argumente arheologice, localizare geografică, meșteșuguri tradiționale.

Elnur Latif oglu Hasanov

Research of historic-archaeological relocations of Ganja city based on the study of craftsmanship samples

In scientific paper on the basis of numerous scientific works, the reasons for the displacement of Ganja city, which has a very ancient and honorable historical past, at different times, the conditions that made possible the historical and geographical change of the area, are studied. sources, written sources, archaeological and ethnographic material evidence. Based on various local and international archaeological and ethnographic expeditions and excavations conducted by local and foreign researchers and archaeologists in the territory of city over the past two centuries, the historical and chronological age of Ganja as an urban cultural center and its movement at different stages of the indicators were studied with reference to scientific data. In the scientific work, for the first time a sequence of historical and geographical movements of the city of Ganja was compiled on the basis of relevant scientific sources, irrefutable documents and manuscripts of the modern stage in accordance with chronological periodization, as well as historical monuments, samples of material culture related to the periods of city movements that were observed at least five times, reflects information about archaeological and ethnographic materials. In article have been considered the number, structure and characteristics of its many historical residential quarters, which are evidence of the movements of Ganja city, along with the immovable architectural monuments found in these areas, handicrafts belonging to different stages were studied.

Elnur Latif oglu Hasanov

Cercetarea relocărilor istorico-arheologice ale orașului Ganja pe baza studiului mostrelor de meșteșuguri

În articol, pe baza a numeroase lucrări științifice, sunt studiate motivele deplasării orașului Ganja, care are un trecut istoric foarte vechi și onorabil, în diferite momente, condițiile care au făcut posibilă schimbarea istorică și geografică a zonei, sursele scrise, materiale arheologice și etnografice. Pe baza diferitelor expediții arheologice și etnografice locale și internaționale efectuate de cercetători și arheologi locali și străini pe teritoriul orașului în ultimele două secole, vârsta istorică și cronologică a Ganja ca centru cultural urban și strămutarea sa în diferite etape ale indicatorilor, au fost studiate pe baza datelor științifice. În rezultatul cercetărilor, pentru prima dată a fost întocmită o secvență a mișcărilor istorice și geografice ale orașului Ganja pe baza surselor științifice relevante, a documentelor și manuscriselor incontestabile ale etapei moderne în conformitate cu periodizarea cronologică, precum și a monumentelor istorice, a mostrelor de cultură materială legate de perioadele de mișcare a orașului care au fost observate de cel puțin cinci ori, reflectă informații despre materialele arheologice și etnografice. În articol au fost luate în considerare numărul, structura și caracteristicile numeroaselor sale cartiere rezidențiale istorice, care sunt dovezi ale strămutării orașului Ganja, împreună cu monumentele arhitecturale imobile găsite în aceste zone, au fost studiate meșteșugurile aparținând diferitelor etape.

Введение

Один из основных центров культуры и науки Кавказа город Гянджа находится в западной части Азербайджанской Республики, является одним из древнейших городов с многовековой историей, богатыми национально-духовными

ценностями, толерантными и мультикультуральными традициями. Проводимые научные исследования показали, что люди основали первые поселения в долине реки Гянджачай, где занимались различными видами хозяйственной деятельности и многочисленными видами ремесла.

С древних времён из-за тесных экономических и культурных отношений города Гянджи и окрестных его районов сформировались ценности, сближающие людей этой территории. Жители этого региона, помимо того, что близки с точки зрения традиционных, бытовых и хозяйственных отношений, также прошли общий путь культурного развития. В этнографическом понятии близость этих поселений подтверждается конкретными примерами.

Несмотря на то, что жители этого региона создали отдельные отличающиеся в какой-то мере образцы ремесленных изделий, в то же время они тождественны по техническому методу и художественному разрешению. Поэтому объединение ремесленных изделий этого региона в единую группу диктуется как с творческой, так и научной точек зрения. Находящиеся на этой территории бесчисленные жилые построения: некрополи, курганы, крепости, развалины дворцов и их укреплений, караван-сарай, мосты, могилы с надгробьем, а также каменные памятники с довольно разными формами, статуи коней и овнов, храмы, церкви, мечети, священные места и очаги сообщают об истории, мировоззрении и этнической принадлежности местных жителей [Əhmədov 2007, 11-12].

Как географические названия и топонимы, так и фольклор, сохранившийся до современных времён, олицетворяют в себе богатое культурное наследие азербайджанских тюрков (азербайджанцев), изначально живущих на этой территории. Местные жители занимались здесь ремесленничеством, земледелием и животноводством. Фольклор, мифы и легенды, сказки, поэтические примеры как плод богатого воображения местных жителей также являются показателями мировоззрения поселившихся здесь людей. Кроме мифов и повествований, отражающих традиционное тюркское миропонимание, в этом регионе создавались также рассказы, увековечившие в себе маленькую историю каждого географического названия и священного места.

Обнаруженные в древних жилых постройках и отражавшие огромную культурную историю бытовые вещи и драгоценности, а также орудия могут расцениваться как

жемчужины искусства. Эти образцы вместе с отражением общих эстетических взглядов жителей, показывают также богатство и многосторонность традиционного мастерства. Найденные материальные доказательства подтверждают высокий уровень развития разных видов скотоводства и земледелия на территории древней Гянджи. В течение тысячелетий в Гяндже развивались такие традиционные отрасли ремесла как гончарное дело, металлообработка, ковроткачество, зодчество, декоративно-прикладное искусство и др.

Первые археологические раскопки в долине реки Гянджачай на окрестностях древнего города проводились начиная со второй половины и конца XIX столетия со стороны видных исследователей – Дюбуа де Манпери, Ф. Баерна, Э. Реслера, Я. Гуммеля, а также ряда других известных зарубежных ученых-археологов и историков. Позднее историко-археологические поисковые работы были проведены Азербайджанскими археологами и впервые месторасположение города Гянджи было полно и всесторонне изображено выдающимся ученым, археологом И. Джафарзаде [Neimatova 1991, 4-7; PKEG 1915].

Также нужно отметить тот факт, что в последние годы довольно успешно продолжается изучение древней истории, культурно-материального наследия города с участием таких видных ученых, как профессора из Музея Истории Естествознания Смитсоновского Института Соединенных Штатов Америки Пол Майкл Тейлор, профессора из Токийского университета Японии Йошихиро Нишияки на территориях древней и античной Гянджи. Проводимые археологические раскопки, а также исторические исследования, полевые этнографические изыскания на территории древней Гянджи оснащают научную среду новыми академическими фактами и довольно важными аргументами [Poulmarc'h, Laneri, Hasanov 2019, 341-343].

Обнаруженные многочисленные исторические материалы служат доказательством древности города. Благодаря проведенным многочисленным археологическим раскопкам были обнаружены важные источники доказательства древней истории Гянджи-археологические памятники, этнографические и

исторические материальные ценности, которые хранятся в таких разных музеях мира, как Лувр, Эрмитаж, Метрополитен-музей и др. [Hasanov 2024b, 118-120].

Важно отметить что, при сравнении исторических источников и археологических, этнографических материалов в большинстве случаях факты не совпадают друг с другом. Поэтому, нужно учесть тот важный исторический факт, что, в течение тысячелетий Гянджа 5 раз менял свое географическое местоположение. Основными причинами данных исторических переселений города являлись войны, нашествия захватчиков, природные катаклизмы и др. Это и способствовало существованию разногласий между учеными по поводу хронологического основоположения города и его географических данных [Əhmədov 2007, 19-20].

Материалы и методы исследования

Гянджа, которая стала одним из важнейших политических, экономических и культурных городов Азербайджана с раннего средневековья, и по сей день сохраняет этот статус. Гянджа была свидетелем большинства важных политических событий, происходивших в истории Азербайджана за многие века, а иногда и находилась в их центре. Город Гянджа расположен на северо-восточном склоне гор Малого Кавказа, по обоим берегам Гянджачая. Выгодное географическое положение привело к тому, что город с древних времен владел торговыми путями. Через него проходили торговые пути из Грузии и побережья Черного моря на юг, что делало город важным торговым узлом. По этой причине Гянджа с раннего средневековья была столицей независимых государств или центром крупных провинций [Əhmədov 2007, 19-20; Nəsnov 2012, 102-104]. Гянджинское ханство было одним из независимых ханств, возникших на территории Азербайджана в период позднего средневековья. Важно также отметить, что в этот период, благодаря своему политическому и экономическому значению, Гянджа была в центре внимания как внутренних, так и внешних сил. По этой причине его политическая история за время его существования богата различными событиями [Hasanov 2023, 272-274; Mustafaev 1989, 45-46].

Вообще, при исследовании и написании истории Гянджи используются различные источники. При исследовании историографии ханства приоритет отдается местным источникам [Hasanov 2024a, 17], в том числе многочисленным материалам археологических раскопок, отдельных историко-этнографических исследований, полевых работ.

Важно, отметить, что город Гянджа пять раз в своей многовековой истории менял свое местоположение, исследование чего является довольно интересным элементом для развития экотуризма, а также археологического туризма в Западном регионе страны. Так как, изначально Гянджа располагался на левом берегу Гянджачая (крепость – Гала Ери) на территории, близлежащей к селу Гедмиш, находящейся в 5-ти км от села Зурнабад. Из исторических источников известно, что в VI в до.н.э. правитель Ахеменидов Кир II был побежден вблизи крепости Гянджа храброй женщиной-полководцем Томрисом. Древний город Гянджа начиная с VI века до н.э. по V век нашей эры был расположен на указанной территории [Əhmədov 2007, 9-11, 24-27; Hasanov 2024c, 20-21].

Важно отметить, что период возникновения и развития первого ареала города Гянджа до нашей эры были также исследованы на основе различных археологических экспедиций, этнографических полевых работ. Так в период 2018-2019 годов на территории древней Гянджи были проведены совместные археолого-этнографические экспедиции, масштабные научные исследования, а также раскопки с целью установить аргументы и факты о первом переселении города на основе изучения древних ремесленных образцов, в основном местного происхождения. Данный проект был проведен местными учеными совместно с коллегами из Италии и Франции [Poulmarc'h, Laneri, Hasanov 2019, 341-342].

Территория, расположенная на северной окраине современного города Гянджа, которая является частью парка Гейдара Алиева. Территория вдоль реки Гянджа, другого притока реки Кура, отмеченная наличием концентрации курганов, датируемых поздним бронзовым и ранним железным веком. Эта территория исследуется с XX века, но в тече-

ние последних лет, в связи с созданием парка имени Гейдара Алиева, была поставлена задача перед местными учеными под руководством Национальной Академии Наук Азербайджана, совместно с исследователями из Японии, Франции и Италии провести широкомасштабные работы на счет раскопок некоторых важных курганов, расположенных в этом регионе [Hasanov 2024b, 118-120].

Проект по археологии курганов в регионе Гянджа (GaRKAP) является совместным азербайджано-итальянским проектом, направленным на изучение распространения традиции захоронения умерших в больших погребальных камерах, покрытых круглыми курганами, то есть античными курганами, на Южном Кавказе в период с четвертого по первое тысячелетие до нашей эры. Именно в этом регионе было обнаружено большое количество курганов, датируемых ранним бронзовым веком (то есть периодом Кура-Араз) вплоть до железного века [Poulmarc'h, Laneri, Hasanov 2019, 342-344].

Целью данного широкомасштабного проекта является раскопка всех оставшихся курганов, а затем создание археологического парка, который будет представлен местным сообществам по окончании археологических работ. В частности, летом 2018-2019 гг. в период этого проекта были раскопаны курганы среднего размера, которые были отчасти потревожены мародерами, но все же извлекли на свет археологические материалы, которые можно связать с археологической фазой Гянджа-Карабах (Ходжалы-Кедабег), датируемой поздним бронзовым и ранним железным веком [Hasanov 2018; Poulmarc'h, Laneri, Hasanov 2019].

Важно отметить, что некоторые другие курганы, датируемые периодом Кура-Араз в свою очередь, показали, что после того, как люди (в большинстве случаев полководцы, бойцы) были похоронены внутри погребальной камеры, большая часть, а в некоторых случаях вся камера была подожжена. Таким образом, были созданы условия для установления в качестве места, предназначенного для размещения мертвых. Плато – широкий ареал, земельные участки в данном качестве использовались для погребальной цели в течение длительного времени и не использовались для других видов человеческой деятельности, за

исключением скотоводства или кочевых перемещений между ручьем и полями на севере. Курганы на Южном Кавказе, датируемые периодом Кура-Араз, редко исследовались с использованием детального стратиграфического анализа различных фаз строительства, использования, закрытия и, наконец, монументализации [Castelluccia 2017, 122-124; Sagona 2018].

Именно с этой точки зрения исследователи международного научного проекта между Азербайджаном и Италией под названием GaRKAP взялись за проведение раскопок первых из обнаруженных этих древних курганов на территории Античной Гянджи. Курган под номером два представляет собой большой погребальный памятник, отличающийся слегка овальной формы. Каменный курган состоит из двух основных колец камней среднего размера, разделенных одной лишь почвенной дорожкой, которая могла служить ритуальной цели на этапе конечного использования кургана, когда он был увековечен как мемориальное место, встроенное в родовой ландшафт данного историко-археологического памятника. К сожалению, четверть кургана была разрушена трактором, который использовался для раскопок драгоценной белой извести, используемой людьми окрестных жилых массивов вокруг масштабного современного парк-комплекса.

Две другие курганы, также являются захоронениями датируемого периода и являются показателями переселения древнего городища. Все три имеют тот общий факт, что они нарушают только стороны и углы основных погребальных камер кургана, и это не кажется случайным. Фактически, это, вероятно, свидетельствует о непрерывности использования кургана в Куро-аразский период, вероятно, связывая конкретных людей с памятью общины, захороненной в больших погребальных камерах, расположенных под курганом [Hasanov 2018; Poulmarc'h, Laneri, Hasanov 2019b, 343-344].

Археологические исследования показывают, что в этот период местное население занималось земледелием и скотоводством. Это подтверждают найденные при археологических раскопках остеологические останки, представляющие собой кости культивируемых в Гянджинском регионе в V тысячелетии до н.

э. известных нам животных. Именно в IV-III тысячелетии до н. э. на основе энеолитической культуры Гянджа стала одним из центров раннего бронзового века Куро-Аразской культуры [Hasanov 2024b, 118; 120-122; Palumbi 2016].

Раскопки в курганах близ Гянджи показали наличие округлых ям для обычных захоронений и ритуалов кремации. Это характерно для Гянджи и Карабаха, а также для других древних территорий страны. Сходство погребальных ритуалов доказывает этническую близость племен, населявших эту территорию. На территории современного жилого массива под названием Ени Гянджа, то есть в ареале древней территории Гуру Гобу в 2018 году во время совместных раскопок с итальянскими и французскими археологами в кургане был найдены изделия из вулканического стекла [Castelluccia 2017, 122-124; Sagona 2018].

На местах поселений эпохи средней бронзы найдено много разнообразного материала. Обнаруженные каменные дубины использовались в разных областях. Возможно, их более изысканные конструкции использовались в качестве оружия. В раскопанных могилах найдены останки домашних животных, зооморфные изделия - фигурки птиц и животных, также разные металлические предметы, изготовленные вручную и на гончарном круге, кроме того довольно много образцов обычной и цветной посуды.

Погребальная камера кургана 1 ориентирована с юго-запада на северо-восток и имеет входной дромос – около 2,2 м в длину и 1 м в ширину – высеченный в скале с несколькими ступенями, вырубленными в целинной почве. Он обеспечивает доступ к большой квадратной погребальной камере, также выкопанной в скале, шириной 5 м и длиной около 7 м [Hasanov 2018; Poulmarc'h, Laneri, Hasanov 2019].

Важно отметить, что безусловно как дромос, так и погребальная камера имеют внутренние стены толщиной около 30-35 см, сделанные из глиняных кирпичей, в том числе в погребальной камере они возвышаются на 20-30 см над краем ямы кургана. Поверх стен перпендикулярно входу были размещены длинные деревянные балки, чтобы создать крышу. Вход мог поддерживаться деревянной балкой, действующей как архитрав, но только

будущие раскопки подтвердят это [Poulmarc'h, Laneri, Hasanov 2019, 342-344].

Другие курганы, датируемые периодом культуры периода Кура-Араз, неоднократно показали, что после того, как мертвые были утилизированы внутри погребальной камеры, почти во всех случаях вся камера была подожжена. В случае курганов эта практика узнаваема по сгоревшим балкам, видимым вдоль края стен из глиняного кирпича, которые определяют стороны погребальной камеры, а также дромоса.

Это преднамеренное сжигание погребальной камеры и дромоса должно было быть видно с большого расстояния, создавая театральное зрелище в сочетании с яркой белизной конструкции. В конце этого ритуального процесса, вероятно, связанного с актом очищения, крыша рухнула внутри камеры и дромос [Castelluccia 2017, 123; Sagona 2018].

Важно отметить тот факт, что хотя раскопки временно прерваны на уровне, соответствующем верху стен камеры, можно выдвинуть предположительную гипотезу о последовательности этапов строительства кургана с целью реконструкции его биографии. Вышеуказанные факты являются довольно важными показателями переселения городища в древнем периоде, а также эти артефакты могут считаться аргументами исторического прошлого Гянджи античного периода.

Но уже в первых веках нашей эры город был перемещен в новую территорию. Так как, в результате землетрясения в 427 году и войн сасанидов с гуннами древний Гянджа был разрушен. После этого во второй раз этот древний город поменял свое местоположение в 8-9 верстах от места под названием Кызыл Кая (Золотая Скала), то есть в 10-11 км севернее нынешней Гянджи.

Важно отметить тот факт, что в VII веке арабские войска вторглись на территорию нашей родины. В этот период город был вновь разрушен арабскими завоевателями. Затем, Гянджа в третий раз населялся на территории Шехербурну, находящееся на левом берегу реки Кура [Əhmədov 2007, 99-101; Palumbi 2016; Gasanov 2023, 732-733].

Стихийное бедствие в 1139 году в четвертый раз разрушило Гянджу и в городе по-

гибло более 300 тысяч людей. Данный факт подтверждает, что Гянджа в XII веке был величественным городом по культурному наследию и по численности населения, также по площади превышающий такие крупные города как Лондон [Əhmədov 2007, 15-19; TDA 1974, 18], Париж и др. После этого стихийного бедствия город обосновался на территории нынешнего святилища Имамзаде, то есть Шихской (равниной Шейхов) равнины [Neimatova 1991, 4-7; PKEG 1915].

Довольно важными историко-археологическими показателями этого периода, как не странно являются ремесленные изделия, отдельные образцы труда местных мастеров. Среди них особо отличаются разные виды национальных одежд, большинство которых хранятся в национальных музеях, также действующие на территории современной Гянджи. Мужская одежда занимает важное место в комплекте национальной одежды, являющейся одним из значимых атрибутов материальной культуры. Одним из самых распространенных видов мужской одежды является чуха. Данный вид одежды, принадлежащий тюркской этнокультурной среде, имеет очень небольшие отличия и, в большинстве случаев, одно и то же название проникло в культуру одежды соседних народов, так что каждый народ превратил его в свой национальный костюм. Чуха воплощает в себе личность мужчины, его величие, достоинство и сдержанность, дополняет его мужские черты своей простотой, лаконичностью и практичностью, придает ему целостность. От этих особенностей зависят причины, по которым чуха широко распространена и с большой симпатией употребляется каждым народом.

Чуха была распространенным видом одежды на Кавказе и даже была широко известна как общекавказская одежда. Данный вид одежды даже с небольшими изменениями повлиял на женскую одежду, как на Южном, так и на Северном Кавказе.

Очень ценной одеждой были халаты с изображением чикин (гюлабатиновый) птицы, их носили только высокопоставленные люди. «Высокопоставленные чиновники носили одежду, показывающую их чины, с орнаментами, изображающими птиц или различных

животных на золотых веревках, обмотанных шелком, спереди и сзади» [Iatsenko 2012, с. 26]. Эти изображения и клейма гравировались на одежде в качестве опознавательного знака. У древних тюрков каждое племя имело свой онгон, большую часть которого составляли разные виды птиц (орел, сунгур, ястреб и др.). Эти знаки позволяли определить племя человека по его одежде. В Средней Азии тоже было принято дарить платье под названием «шах чикини» («шахские чигини») тем, кто заслужил особое уважение главы государства [Nəvilov 1991, 71-72; Kaşğari 2004, 19-21]. Это проясняет значение встречающегося нам в эпосе «Китаби-Деда Горгуд» словосочетания «платье с пуховым оперением». В свою очередь, предполагаем, что «халатное платье» или «халатная чуха», использовавшийся в Азербайджане до XVIII века, а в Средней Азии до недавнего времени, представляет собой расстегнутый воротник или чуху. Интересно также отметить, что карачаевцы и балкарцы называют Чуху «чепкен» [KDG 2004, 30]. Это признак того, что между чепкеном и чухой есть общие черты.

В эпосе «Китаби-Деда Горгуд» встречаются различные мнения об упомянутом здесь как наиболее ценном виде одежды «Девяти чиграбной чухе – достойным лишь самому великому их ханов Баяндур хане». Скорее всего, «девяти чиграб чуха» – это то же самое, что и девять досых (чинных) чух, сохранившихся в известном нам сегодня музейной коллекции. Чем шире юбка чухи, тем она считалась более ценной (юбки богатых женщин тоже шили из 9-10 досок). Ширина юбки чухи (также тумана) считалась показателем статуса. Для каждого кавказца «было предметом большой гордости носить хорошо сложенную, удобную посадку и пышную чуху» [KDG 2004, 87]. Поэтому большое внимание уделялось ширине чухи. С этой точки зрения не вызывает сомнений, что юбочная часть «докузлама (девяти) чиграб чухы», подаренная Баяндур-хану, с которым мы встречались в эпосе «Китаби-Деда Горгуд», была довольно широкой.

Следует отметить, что традиция дарить чуху и другую одежду продолжалась до тех пор, пока чуха не вышла из моды. В одном из своих стихотворений выдающийся азербайд-

жанский поэт М.П. Вагиф с большим удовольствием говорит о чухе, присланной ему в подарок правителем Ширвана.

Как было сказано выше, одежда получило свое название из-за ткани. «Наименования той или иной одежды по названию ткани обычно свидетельствует о ее давности и характеристике для народа» [Həvilov 1991, 91]. Традиционные виды тканей иногда предназначались для того или иного предмета одежды и ткали в порядке номеров. При этом название ткани было таким же, как и вид одежды. Например, кусок ткани или шаль, сотканный в порядке номеров, достаточно большой, чтобы вместить кусок ткани или брюки, назывался «чуха» или «штаны» по названию соответствующего вида одежды [Mustafayev 2001, 54]. Интересно, что в Азербайджане ткань, сотканная не только из шерсти, но и из «кеджи» нити (шелковая нить из коконов, сделанных женщинами в домашних условиях) для этой цели называлась «чуха» (видимо, части чухи были сотканы отдельно в хане). Среди широкого ассортимента шелковых изделий, сотканных из «кеджи» нити, есть чуха, штаны, рубашки и др., которые также были известны под названиями одежды [Mustafayev 2001, 64].

Кстати, нужно отметить, что чуха изготавливалась из шалей ручного плетения, шалей, тканых из махуда, привозимых из местных и зарубежных стран по торгово-экономическим связям. Существовало несколько видов шалей. «Для чухи шили разновидность шали, сотканной из двойной нити. Двойным платком шили большую часть чухи и хирки, переплетая его довольно туго» [Mustafayev 2000, 73]. Название этого вида ткани сохранилось в народном выражении «верблюжья шапка, пяточная чуха». Раньше платки ткали в помещении, поэтому доски были 16, 22, 30, 40 см. Пришлось увеличить количество досок, чтобы сделать нижнюю часть шире (это касается и женских юбок). Чухи в основном строились из 3-10 досок. «Обычно заказывали еще 6, 8 и 9 досочные чухи» [Dünyamalyeva 2015, 124; Studentskaia 1998]. Количество чинов варьировалось в зависимости от состояния материала и ширины изделия. Если планки были шире, количество подтягиваний уменьшалось. Впрочем, на ширину юбки это никак не повлияло.

Одной из них отличительных особенностей чухи является форма юбки. По форме юбки чухи встречаются в двух вариантах: «гофрированные» и «кахли» («чинные») [Mustafayev 2000, 76]. Визуальный осмотр чухи позволяет включить складные в перечень этих типов. Доски чинной чухи постепенно расширяются сверху вниз, т. е. «ках представляет собой кусок ткани трапециевидной формы, выкроенный для того, чтобы дать место нижней части одежды» [Dünyamalyeva 2015, 33]. В гофрированных чухах ножки были одинакового же размера, а голова просто складывалась вместе. Передние слои как гофрированных, так и чинных чух обычно вырезались длинными. В Ширване такие чухи назывались «дуздэма» чуха [Mustafayev 2000, 76]. Наряду с передними планками, в средних планках на спинке, наряду с лопатой, также преобладают цельнокроенные узоры чухи. В таких чухах лопату срезают целиком, сохраняют целым слой от средней части до подножия и к нему прикрепляют боковые планки. Боковые швы чухи не строились на расстоянии 10-15 см от низа, то есть шов закладывался. Ю.Н. Студенская отмечает, что этот элемент был устроен так, чтобы не мешать движению при ходьбе и подъеме в горы [Studentskaia 1998, 87]. Если мы обратим внимание на средневековые миниатюры, то увидим, что боковых шрамов на лбу нет. По нашему мнению, низ чухи был широким, а передняя часть открытой, что давало полную свободу движений. Также во время движения концы передних ног чухи прокалывались ремнем для достижения полной свободы. Добавленные позже боковые шрамы носили декоративный характер. Мы считаем эти шрамы высокими, относительно узкими, и поэтому их необходимо шрамировать. Изучение визуальных материалов показывает, что в большинстве случаев края этих рубцов оформлены шнурком, они соединены между собой и не имеют функционального значения, а имеют только декоративные признаки.

С начала скифского периода стройная талия считалась важным элементом красоты кочевника [Iatsenko 2012, 4]. По народному поверью, мужчине было неправильно выходить из дома без ремня и без оружия, что наносило ущерб его достоинству. Каждый мужчина

должен был быть готов к бою в любой момент. По этой причине мужчины всегда носили на спине пояса с кинжалами и мечами. В результате у мужчин тонкая талия, а мужчина с таким телом считался отважным рыцарем. Поэтому, чтобы создать тонкую талию, тело мужчины было узким, а подол обрезан. Интересно, что в Южном Азербайджане эти предметы одежды назывались «дарген» по форме. Для того, чтобы предмет одежды плотно прилегал к телу, вокруг талии встраивался дополнительный узкий пояс с крючками или узлами (этот элемент можно наблюдать и в современной одежде европейского типа) [Studentskaia 1998, 87].

Вероятнее всего, пояса, расположенные рядом с чинными чухами, имели ту же двойную функцию, что и в женской наплечной одежде (чапкан, нимтена, лаббада, курду), т.е. стройный вид. Одной из главных особенностей, отличающих чухи друг от друга, является форма дужки. По форме руки чухи в основном классифицируются как «подмышечные» и «бесподмышечные» («атмаголы»). Можно встретить отличительные черты каждой из этих форм целей. Руки прямые и трапециевидные, узкие, бесподмышечные, с руками до локтя (половина рукавов), устье руки раздвоенное и без шпагатов (в таких отверстиях рука откидывается назад на 18-20 см), плетеные и др. Широкое распространение полушария получили в основном в средние века. В диване М. Кашгари одежда с короткими рукавами было отмечено как «кулак тон» [Nəvilov 1991, 71-72; Kaşğari 2004, 383-384]. Руки людей, изображенных на стенах дворца Шекинских ханов, узкие. Вся одежда, встречающаяся на средневековых миниатюрах – чубба-чуха имеет узкие рукава. Нужно также отметить, что на древнетюркском оружии называлось «иен» или «йенг». Слова йен и ян - известные и широко распространенные слова в истории тюркской одежды» [Ögel 1978, 61]. Выражение «Йен» также встречается в эпосе «Китаби-Деде Горгуд». «Баничичек была в красном халате. Руки себе на шею положила, чтобы открыто не смотреться» [KDG 2004, 74] или Пастух Караджа говорит: «Вытереть кровь со лба йеном» [KDG 2004, 43]. Как видно из котировок, йен был длинной, и в нем было сплотить (спрятать) руки. В Азербайджане слово «ян» сохранилось в

просторечии населения Закатальского района. Здесь рукав употребляется в значении «устье рукава одежды» [ADDL 2007, 548].

В данном случае важно отметить тот факт, что слово «иен» используется в тюркских языках (а также в современном Турецком языке) в трех значениях: первое как «рукав одежды», второе значение в виде «устье рукава» и в третьих «рукав», что чаще означало «рука одежды». В Анатолии длинные рукава, прикрывающие кисти рук, назывались «иенскими шапками» [Ögel 1978, 61]. Шеи покачивались от движений рук или от дуновения ветра [Nəmidova 2000, 4-10].

Вышеуказанные ремесленные изделия являются одним из основных историко-археологических показателей имеющих особое значение в исследовании данного периода, когда город существовал на территории по счету своего четвертого переселения.

Наконец, в пятый раз город Гянджа во время Сефевид-османских войн в конце XVI – начале XVII веков был переселен на территорию нынешней Гянджи. Здесь еще в 1588 году османским полководцем Фархадом Паша была построена крепость. Часть данной крепости сохранилась до наших дней и как историко-архитектурный памятник республиканского значения охраняется. Этот памятник находится на территории самого древнего парка-комплекса города – в паке Хан багы (Ханский двор) [Hasanov 2022, 72-73].

Нужно отметить, что после переселения города Шахом Аббасом I по его распоряжению Гянджа была полностью благоустроена по проекту выдающегося ученого, архитектора Шейха Бахааддина Мухаммеда Амули неповторимыми жемчужинами зодчества Гянджи как Джума мечеть, Чекек-хамам (Древняя подземная баня), Каравансарай и другие памятники, построенные в начале XVII века. Многочисленные археологические материалы, разные изделия местных ремесленников, исследованных во время полевых этнографических экспедиций, а также важные исторические данные в отдельных письменных источниках позволяют более подробно изучать общие черты данного хронологического периода древнего города Гянджи [Əhmədov 2007, 11-12; Guliyeva, Həsənov 2014, 4-5].

Данный период является особо важным для исторического прошлого города, как центра Гянджинского ханства. В данном периоде в Азербайджане существовало большое количество оборонительных сооружений. Одним из городов, отличавшихся мощными крепостными стенами, была Гянджа. План города Гянджи, хранящийся в архиве, был впервые составлен в 1797 году. Целью военной экспедиции Зубова было завоевание городов Азербайджана. В результате похода были заняты Дарбент, Баку, Губа, Шемаха и Мугань. По этой причине были проведены все виды комплексных приготовлений. Так, для обеспечения военного успеха похода большое внимание уделялось вопросам и изучению местных условий, навигации и снабжения. По указанию Зубова готовился точный чертеж всех зданий, представлявших военный интерес. Чертеж Гянджинского замка был одним из таких документов.

На плане в документе № 6055 рабочей папки № 12 фонда 349 РГВИА отмечено, что он был составлен инженер-майором Иваном Гартингом 24 февраля 1797 года. Подробную информацию об архитектуре города в пределах Гянджинской крепости можно получить из генерального плана, находящегося в 12-й папке 349-го фонда. Например, из документа 6055, входящего в эту папку, можно ознакомиться с Джума-мечетью в городе и ее подробным описанием. Документ также содержит общее описание мечети, площади перед ней и архитектурного ансамбля. Медресе, входящее в комплекс мечети, отражено на главном плане. Из плана видно, что за мечетью находится кладбище, а с западной стороны к зданию мечети примыкает баня.

Важно отметить, что из плана также можно увидеть сходство городского архитектурного ансамбля с другими азербайджанскими городами. Так, то, что Джума-мечеть находится рядом с главной рыночной площадью города Гянджа, это было одной из архитектурных особенностей других азербайджанских городов того времени (позднего средневековья) [Alizade 1956; Neimatova 1991, 4-7]

Из плана в архиве видно, что город Гянджа занимает большую территорию. Также видно, что оборонительная крепость, окружающая город Гянджа, является укрепленным

военным сооружением. В плане упоминалось, что Гянджинская крепость была построена в форме шестиконечного угла и имела трое главных въездных ворот. На рисунке также отражено название входных дверей. Они написаны как Иреванские, Шушинские и Куринские, Тифлиссские ворота. Скорее всего, двери были названы в соответствии с направлением, в котором они открывались [Hasanov 2024a, 18-19].

Заключение

Древний центр толерантности и мультикультуризма Гянджа, является вторым городом Востока, где и по сей день сохранились сотни мусульманские, христианские, лютеранские, также и доисламские гробницы, надгробные памятники, мавзолеи в древней святынище «Имамзаде» и кладбище «Себзикар».

Вышеотмеченные факты доказывают что, Гянджа с древних времен славилась высоким развитием торговли, ремесла, считалась одним из основных центров науки, образования, культуры и отличалась своим интеллектуальным потенциалом.

Начиная с VII-VIII веков в Гяндже существовали такие видные научно-просветительские центры как «Дома мудрости», «Центры исцеления», кроме того было довольно много школ-медресе при мечетях [Əhmədov 2007, 14-17; Hasanov 2023, 273-274].

Именно в таких научных центрах преподавали многочисленные учителя-педагоги, выдающиеся деятели науки своего времени.

Благодаря таким личностям в городе в течение веков жили и творили гении всех времен. Среди них важно особо отметить имена таких личностей как великий мыслитель мировой поэзии Низами Гянджеви, первая женщина-философ, поэтесса Мехсети Гянджеви, первые женщины представители средневековой поэзии Востока – поэтессы Сити Гянджеви, Разия Гянджеви, Дохтари Гянджеви, руководитель совета Арранских поэтов XII века Абул-ула Гянджеви, выдающейся поэт XIX столетия Мирзы Шафи Вазех, на стихи которого сочинили свои великие труды всемирно известные композиторы мира – Штраус, Чайковский, Бах [Əhmədov 2007, 102-104; Tabeikeyna et al. 2021, 239-240].

Также в городе было много библиотек, самым известным которым считался «Дар-эль Кютуб», который существовал уже в X-XI веках. Важно отметить, что и сегодня в городе действуют Централизованная библиотечная система, детская центральная библиотека, единственный в регионе филиал Миниатюрного музея и некоторые филиалы городской библиотеки и др. Современная Гянджа сохранила свою твердую позицию как важного научно-культурного центра.

В заключении важно отметить, что город Гянджа по истине может считаться одним из

древних центров культуры на Кавказе, что доказывается на основе многочисленных артефактов как средневекового, так и античного, древнего периодов. Ведь вышеуказанные разные историко-археологические факты, уникальные ремесленные изделия местного происхождения, подтверждающие неоднократное переселение этого древнего города на научных основах, были доказаны благодаря проведенным местным и международными этно-археологическими экспедициями на территории Гянджи.

Библиография

- Alizade 1956:** A.A. Alizade, Sotsial'no-ekonomicheskaya i politicheskaya istoriya Azerbaidzhana XIII-XIV v. (Baku 1956) // А.А. Ализаде, Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII-XIV вв. (Баку 1956).
- AI 1959:** Azərbaycan incəsənəti. VIII cild (Baku 1959).
- Əhmədov 1989:** F.M. Əhmədov, XIX-XX əsrlərin hüdudlarında Gəncənin yaşayış məhəllələri və ticarət obyektləri. Azərbaycanın qərb regionunun problemlərinə həsr olunmuş elmi-tədqiqat işlərinin yekunları elmi-təcrübi konfransının materialları. (Bakı 1989).
- Əhmədov 2007:** F.M. Əhmədov, Gəncənin tarix yaddaşı. (Gəncə 2007).
- ADDL 2007:** Azərbaycan dilinin dialektoloji lüğəti. (Bakı 2007).
- Castelluccia 2017:** M. Castelluccia, The kurgans of Chanlar and some thoughts on burial customs in Transcaucasia in the Late Bronze-Early Iron Age. *Ancient Near Eastern Studies* 54, 2017, 121-141.
- Dünyamalıyeva 2015:** S. Dünyamalıyeva, Azərbaycan milli geyimləri (biçim və texnoloji xüsusiyyətləri). (Bakı 2015).
- Gasanov 2023:** E.L. Gasanov, Voprosy nauchogo issledovaniya istoriko-kul'turnogo nasledia srednevekovoi Gjanzi. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo Universiteta. Vostokovedenie i Afrikanistika* 15(4), 2023, 731-740 // Э.Л. Гасанов, Вопросы научного исследования историко-культурного наследия средневековой Гянджи. *Вестник Санкт-Петербургского Университета. Востоковедение и Африканистика* 15(4), 2023, 731-740.
- Guliyeva, Həsənov 2014:** N.M. Guliyeva, E.L. Həsənov, Die traditionelle Gändschänischen Teppiche von Zeitraum der Aserbaidshanischen Gelehrten und Dichter Mirsä Schäfi Waseh als ethnoanthropologische quelle (XIX Jahrhundert). *European Applied Sciences* 2, 2014, 3-5.
- Hasanov 2018:** E.L. Hasanov, Applied significance of investigation of handicrafts branches in Ganja city based on innovative technologies (Historical-ethnographic research). (Prague 2018).
- Hasanov 2022:** E.L. Hasanov, Innovative significance of research of traditional architectural features of Ganja. *TSU-TI – The International Scientific Journal of Humanities*. 1(1), 2022, 71-74.
- Hasanov 2023:** E.L. Hasanov, Innovative study of historical heritage of Ganja city based on cultural-literary materials. *Manuscript and Book Heritage of Ukraine* (31), 2023, 271-286.
- Hasanov 2024a:** E.L. Hasanov, About study of medieval historic-architectural heritage of Ganja city. *Revista Arheologică* XX, 2, 2024, 16-24.
- Hasanov 2024b:** E.L. Hasanov, Significance of the written sources in study of medieval heritage of Ganja. *Manuscript and Book Heritage of Ukraine* (32), 2024, 116-134.
- Hasanov 2024c:** E.L. Hasanov, Research of historic-cultural heritage of medieval Ganja based on information about the Nizami Ganjavi family. *Pravnehistoricke Studie* (54), 2024, 19-29.
- Həmidova 2000:** İ.Həmidova, Azərbaycan parça sənətinin tarixi inkişaf yolları. *Elmi axtarışlar*, VIII toplu. (Bakı 2000).
- Həsənov 2012:** E.L. Həsənov, Gəncə İmamzadə türbəsi (tarixi-etnoqrafik tədqiqat). 1-ci nəşr. (Bakı 2012).
- Həvilov 1991:** H.A. Həvilov, Azərbaycan etnoqrafiyası. (Bakı 1991).

- Kaşğari 2004:** M. Kaşğari, *Divani-lügət-it-türk*. 4 cilddə. I cild. (Bakı 2004).
- KDG 2004:** *Kitabi-Dədə Qorqud*. (Bakı 2004).
- Mustafaev 1989:** Dzh. Mustafaev, *Severnye khanstva Azerbaidzhana i Rossiia (konets XVIII-nachalo XIX v.)*. (Baku 1989) // Дж. Мустафаев, *Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII-начало XIX в.)*. (Баку 1989).
- Mustafayev 1998:** С.М. Mustafayev, *Orta əsrlərdə sənətkar təşkilatları*. *Cahan jurnalı* 4, 1998, 17-21.
- Mustafayev 2000:** A.N. Mustafayev, *Azərbaycanın maddi mədəniyyət tarixi*. (Bakı 2000).
- Mustafayev 2001:** A.N. Mustafayev, *Azərbaycanda sənətkarlıq*. (Bakı 2001).
- Neimatova 1991:** M. Neimatova, *Epigraficheskie pamiatniki Giandzhi*. (Baku 1991) // М. Нейматова, *Эпиграфические памятники Гянджи*. (Баку 1991).
- Ögel 1978:** B. Ögel, *Türk kültür tarihine giriş*. V cild. (Ankara 1978).
- Palumbi 2016:** G. Palumbi, *The Early Bronze Age of the southern Caucasus*. In *Oxford Handbooks Online* (Oxford 2016), <https://dx.doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199935413.013.14>.
- РКЕГ 1915:** *Pamiatnaia Knizhka Elizavetpol'skoi gubernii na 1914 god'*. (Elisavetpol' 1915) // *Памятная книжка Елисаветпольской губернии на 1914 годъ*. (Елисаветполь 1915).
- Poulmarc'h, Laneri, Hasanov 2019:** M. Poulmarc'h, N. Laneri, E.L. Hasanov, *Innovative approach to the research of ethnographic-archaeological heritage in Ganja based on materials of kurgans*. *International Scientific Journal Theoretical & Applied Science*, 9(77), 2019, 341-345.
- Sagona 2018:** A. Sagona, *The Archaeology of the Caucasus: From Earliest Settlements to the Iron Age*. New York: Cambridge University Press. 2018.
- Salamzade 1964:** A. Salamzade, *Arkhitektura Azerbaidzhana XVI-XIX v.* (Baku 1964) // А. Саламзаде, *Архитектура Азербайджана XVI-XIX вв.* (Баку 1964).
- Studentskaia 1998:** E.N. Studentskaia, *Odezhdna narodov severnogo Kavkaza XVIII-XX v.* (Moskva 1998) // Е.Н. Студенецкая, *Одежда народов северного Кавказа XVIII-XX вв.* (Москва 1998).
- Tabeikyna et al. 2021:** E.K. Tabeikyna, G.T. Kamalova, E.L. Hasanov, K.V. Dzhumagaliyeva, N.K. Demeuova, *The place of intelligentsia in socio-economic development of society: the creative perspective*. *Creativity Studies* (14), 2021, 235-250.
- TDA 1974:** *The Dawn of Art*. (Leningrad 1974).
- Iatsenko 2012:** S.A. Iatsenko, *Neskol'ko nabluidenii o kostiume rannikh tiurkov na izobrazheniakh*. *Tiurkologicheskii sbornik 2011-2012*. (Moskov 2012) // С.А. Яценко, *Несколько наблюдений о костюме ранних тюрков на изображениях*. *Тюркологический сборник 2011-2012*. (Москва 2012).

Эльнур Лятиф оглу Гасанов, диссертант, научный сотрудник, Гянджинское Отделение Национальной Академии Наук Азербайджана (Гянджа, Азербайджан), г. Гянджа, Азербайджан, e-mail: el-hasanov@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6358-593X.